

ДОНСКІЯ ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТІ.

Выходятъ три раза въ мѣсяць (1, 11 и 21 ч.).

Подписка принимается въ Редакціи „Донскихъ Еп. Вѣдомостей“ въ гор. Новочеркасскѣ, при Донской Духовной Семинаріи.

Цѣна годовому изданію „Донскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей“ съ доставкой и пересылкою 5 руб. 50 коп.

Годъ сорокъ первый.

21 сентября 1909 года.

№ 27.

ОТДѢЛЪ НЕОФИЦІАЛЬНЫЙ.

Моральный характер поэзіи А. П. Чехова.

(Продолженіе).

II.

Въ разсказѣ: „Скучная исторія“ Чеховъ показываетъ, что человѣкъ не можетъ быть счастливъ безъ вѣры въ Бога. Въ этомъ разсказѣ Чеховъ изображаетъ одного заслуженнаго профессора Николая Степановича. Онъ—медицинская знаменитость. До 62-хъ лѣтъ Николай Степановичъ не задумывался о смыслѣ жизни; онъ ни во что, кромѣ науки, не вѣрилъ; но стоило ему заболѣть неизлѣчимою болѣзью—тісѣмъ, и онъ ясно понялъ безцѣльность своего существованія. Никто изъ родныхъ и друзей не понималъ его, всѣ по прежнему веселились, а онъ страдалъ отъ одиночества. Въ началѣ своей болѣзни Николай Степановичъ бодрился и думалъ найти успокоеніе въ занятіяхъ наукою. „Какъ 20—30 лѣтъ назадъ,—пишетъ онъ въ своемъ дневникѣ,—такъ и теперь передъ смертію меня интересуешь одна только наука. Испуская послѣдній вздохъ, я все-таки буду вѣрить, что наука—самое важное, самое прекрасное и нужное въ жизни человѣка, что она всегда была и будетъ высшимъ проявленіемъ любви, и что только ею одною человѣкъ побѣдилъ природу и себя. Вѣра эта, быть можетъ, наивна и несправедлива въ своемъ основаніи, но я не ви-

новать, что вѣрю такъ, а не иначе; побѣдить же въ себѣ этой вѣры я не могу“.

Чѣмъ сильнѣе развивалась болѣзнь, тѣмъ яснѣе Николай Степановичъ сталъ сознать безцѣльность своего существованія. До болѣзни онъ думалъ, что занятія наукою могутъ сдѣлать его счастливымъ, теперь же онъ понялъ, что наука есть нѣчто внѣшнее для человѣка и не можетъ успокоить его.

„Въ моемъ пристрастїи къ наукѣ,—пишетъ онъ,—въ моемъ желанїи жить, въ стремленїи познать самого себя, во всѣхъ мысляхъ, чувствахъ и понятїяхъ, какія я составляю обо всемъ, нѣтъ чего то общаго, что связывало бы все это въ одно цѣлое. Каждое чувство и каждая мысль живутъ во мнѣ особнякомъ, и во всѣхъ моихъ сужденїяхъ о наукѣ, театрѣ, литературѣ, ученикахъ и во всѣхъ картинахъ, которыя рисуетъ мое воображеніе, даже самый искусный аналитикъ не найдетъ того, что называется общей идеею, или богомъ живого человѣка. А коли нѣтъ этого, то, значить, нѣтъ и ничего!.. При такой бѣдности достаточно было серьезнаго недуга, страха смерти, вліянія обстоятельствъ и людей, чтобы все то, что я прежде считалъ своимъ міровоззрѣніемъ и въ чемъ видѣлъ смыслъ и радость своей жизни, перевернулось вверхъ дномъ и разлетѣлось въ клочья“.

Единственнымъ утѣшеніемъ для Николая Степановича въ минуты болѣзни были разговоры съ Катей, дочерью одного прїятеля. Катя относилась къ нему съ почитательностію, и Николай Степановичъ цѣнилъ эту привязанность. Катя испытала много несчастій и стала задумываться о смыслѣ жизни; ее неотступно сталъ мучить вопросъ, зачѣмъ жить. Она проситъ Николая Степановича разъяснить ей этотъ вопросъ. „Я не могу долѣше такъ жить,—съ отчаяніемъ говорить она:—не могу! Ради истиннаго Бога скажите скорѣе, сію минуту: что мнѣ дѣлать? Говорите, что мнѣ дѣлать?“

Николай Степановичъ, самъ не знавшій смысла жизни и ни во что не вѣровавшій, не могъ утѣшить ее.

— Давай, Катя, завтракать,—сказаль онъ, натянуто улыбаясь.—Будеть плакать!

Послѣ этого отвѣта Катя еще больше расплакалась и уѣхала, а Николай Степановичъ остался совершенно одинокимъ и въ полномъ отчаяніи дожидался своей смерти.

Нельзя болѣе ярко изобразить тяжелое положеніе человѣка, не имѣющаго вѣры въ Бога, не думающаго о цѣли своей жизни. Людей, подобныхъ Николаю Степановичу, можно весьма часто встрѣтить. Чеховъ своимъ рассказомъ предостерегаетъ ихъ, чтобы они заранѣе думали о смыслѣ и цѣли своей жизни, стремились къ вѣрѣ въ Бога и въ ней находили успокоеніе.

Такой же типъ невѣрующаго человѣка изображенъ Чеховымъ въ драмѣ: „Ивановъ“ въ лицѣ главнаго героя Иванова. Ивановъ, по окончаніи университета, много думаль, много работалъ и помогалъ ближнимъ. Но такъ какъ эта дѣятельность не имѣла прочнаго основанія, то Ивановъ скоро опустилъ руки. Самъ Ивановъ не хотѣлъ сознаться въ томъ, что его идеи не имѣли корней, и старался объяснить свою лѣнь „надорванностію“.

— Мнѣ кажется,—говорить онъ Лебеву,—что я надорвался. Гимназія, университетъ, потомъ хозяйство, школы, проекты... Вѣровалъ я не такъ, какъ всѣ, женился не такъ, какъ всѣ, горячился, рисковалъ, деньги свои, самъ знаешь, бросалъ направо и налево, былъ счастливъ и страдалъ, какъ никто во всемъ уѣздѣ. Взывали себѣ на спину ношу, а спина то и треснула. Въ 20 лѣтъ мы всѣ уже герои, за все беремся, все можемъ, а къ 30-ти уже утомляемся, никуда не годимся. Чѣмъ, чѣмъ ты объяснишь такую утомляемость?

Полное разочарованіе во всемъ у Иванова, намъ кажется, произошло оттого, что онъ не имѣлъ твердыхъ религіозныхъ убѣжденій и основанныхъ на нихъ нравствен-

ныхъ правилъ. При концѣ своей жизни онъ сознается въ томъ, что у него не было никакихъ убѣжденій. „Съ тяжелою головою, съ лѣнливою душою, утомленный, надорванный, надломленный, безъ вѣры, безъ любви, безъ цѣли, какъ тѣнь, слоняюсь я среди людей и не знаю: кто я, зачѣмъ живу, чего хочу? И мнѣ уже кажется, что любовь—вздоръ, ласки приторны, что въ трудѣ нѣтъ смысла, что пѣсня и горячія рѣчи пошлы и стары. И всюду я вношу съ собою тоску, холодную скуку, недовольство, отвращеніе къ жизни“...

Не имѣя твердыхъ религіозныхъ убѣжденій, Ивановъ не могъ бороться съ жизненными неудачами и покончилъ жизнь самоубійствомъ.

Ив. Глубовъ.

(Продолженіе будетъ).

